

Владимир СПЕКТОР

НА БЕРЕГУ ЧУЖОЙ РЕКИ...

Владимир Давыдович Спектор родился в 1951 году в Луганске. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, международного литературного конкурса «Открытая Евразия», серебряный призёр Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года на русском языке» в номинации «Поэзия». Публиковался в журналах «Нева», «Новый Континент», «Новый Берег», «Дети Ра», «Связь Времени», «Русский Альбион» и др., в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День Литературы», «Поэтоград», «Литературные известия». С 2015 года живёт в Германии.

Запах «Красной Москвы» —
 середина двадцатого века.
Время — «после войны».
Время движется только вперёд.
На углу возле рынка —
 с весёлым баяном калека.
Он танцует без ног,
 он без голоса песни поёт...

Это — в памяти всё у меня,
 у всего поколения.
Мы друг друга в толпе
 мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
 мелькает незваную тенью,
И по запаху «Красной Москвы»
 в подсознание своём...

А вы из Луганска?
 Я тоже, я тоже...
И память по сердцу —
 морозом по коже,
Ну да, заводская труба
 не дымится.
Морщины на лицах.
 Границы, границы...

И прошлого тень возле касс
на вокзале.

А помните Валю?
Не помните Валю...

А всё-таки помнить —
большая удача.

И я вспоминаю.
Не плачу и плачу.

Глаза закрываю —
вот улица Даля,
Как с рифмами вместе
по ней мы шагали.

Но пройденных улиц
закрыта тетрадка.
Вам кажется, вышито всё,
без остатка?

А я вот не знаю и память
тревожу...

А вы из Луганска?
Я тоже. Я тоже.

Где-то на окраине тревог,
Где живут бегущие по кругу,
Вечность перепутала порог,
И в глаза взглянули
мы друг другу.

Чёрствы́е сухарики мечты
Подарила, обернувшись ветром
В мареве тревожной маеты,
Где окраина так схожа
с центром.

Условно делимы на «право»
и «лево».
Как славно незримы «король,
королева,

Сапожник, портной»...
Это со мною и с целой страной,

Где всех поделили почти
безусловно

На «любишь — не любишь»,
на «ровно — не ровно»,

А будто вчера —
Жизни беспечной была как сестра

Страна, где так быстро
привыкли к плохому,
Где «эньки-беньки» вышли
из дому,

А следом свинец,
Хочешь — не хочешь,
но сказке — конец.

Как будто карандаши,
Рассыпались дни и недели.
Поспали, попили, поели...
Но сердце спешит. Спешит.

И как мне их всех собрать,
Друзей, что рассыпались тоже
Средь старых и новых бомбёжек,
Хотя бы в свою тетрадь,

Собрать карандашный цвет,
Он звалсЯ когда-то «Мистецтво»,
Раскрасить дорогу, как детство,
Как счастья бывшего след.

Завтрашний воздух —
в отсеках стальных облаков,
Завтрашний мир — как дыхание
воздушной эскадры.

Завтра узнаем, возможно,
расскажет Песков,
Что там за тайны в небесном
прогнозе на завтра.

Завтрашний воздух —
дышать им не передышать.
Даже когда от прогнозов
бессовестных плохо.
В завтрашнем небе парит,
как всегда, хороша
Сладкая вата ещё
непечатого вдоха.

И музыка играла,
и сердце трепетало...
Но выход был всё там же,
не далее, чем вход.
Не далее, не ближе.
Кто был никем — обижен.
Я помню, как всё было.
А не наоборот.

Я помню, помню, помню
и ягоды, и корни,
И даты, как солдаты,
стоят в одном ряду.
А врущим я не верю.
Находки и потери
Приходят и уходят.
И врущие уйдут.

Ну, что с того, что я там был...
Юрий Левитанский

Ну, что с того, что не был там,
Где часть моей родни осталась.
Я вовсе не «давлю на жалость»...
Что жалость — звёздам и крестам

На тех могилах, где война
В обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя,
Хоть, кажется, ещё видна

Тень правды, что пока жива
(А кто-то думал, что убита),

Но память крови и гранита
Всегда надёжней, чем слова.

Ну, что с того, что не был там,
Во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там — сорок пятый!
Забрать хотите? Не отдам.

Лумумба, Дэвис, Корвалан...
Кто помнит звонкость их фамилий.
От «жили-были» до «забыли» —
Тире, как от «пропал» до «пан».

А я вот помню. «Миру-мир»
Кричал на митингах со всеми.
Прошло своё-чужое время.
Конспект зачитан аж до дыр.

А мира не было и нет.
Похоже, здесь ему не рады.
И эхо новой канонады
Летит, как бабочка на свет.

Дым воспоминаний
разъедает глаза.
Память о доме, как воздух,
закачана в душу.
Дом пионеров. Салют!
Кто против? Кто за?
— Ты ведь не струсил поднять
свою руку? — Не струшу.

Трусить — не трусить...
Любишь вишнёвый компот?
Помнишь рубиновый цвет
и обманчивость вкуса?
Память с трудом отдаёт.
Но зато как поёт...
Дым превращая в дыханье.
А минусы — в плюсы...

Ничего не изменилось,
Только время растворилось
И теперь течёт во мне.

Только кровь моя сгустилась,
Только крылья заострились
Меж лопаток на спине,
И лечу я, как во сне.

Как цыганка нагадала:
Всё, что будет, — будет мало.

Быть мне нищим и святым.
Где-то в сумраке вокзала
Мне дорогу указала.

Оглянулся — только дым.
Где огонь был — всё дымится.
Крыльев нет. Но есть страница,
Вся в слезах. Или мечтах.

На странице чьи-то лица.
Небо, дым,
А в небе птицы,

Лица с песней на устах.
Ветер временем играет.

Ветер кровь
Мою смущает
Наяву или во сне.

Мальчик с узкими плечами,
Парень с хмурыми очами —
Я не в вас. Но вы во мне.

Мы с лопаткой на ремне
Маршируем на ученье,
Всё слышнее наше пенье.

Мы шагаем и поём.
О красавице-дивчине,
О судьбе, и о калине,
И о времени своём.

Всё своё — лишь в себе, в себе,
И хорошее, и плохое.
В этой жизни, подобной борьбе,
Знаю точно, чего я стою.

Знаю точно, что всё пройдёт.
Всё пройдёт и начнётся снова.
И в душе моей битый лёд —
Лишь живительной влаги основа.

Яблоки-дички летят, летят...
Падают на траву.
Жизнь — это тоже фруктовый сад.
В мечтах или наяву
Кто-то цветёт и даёт плоды
Даже в засушливый год...
Яблоня-дичка не ждёт воды —
Просто растёт, растёт.

Было и прошло. Но не бесследно.
Память, словно первая любовь,
Избирательно немилосердна,
Окунаясь в детство вновь
и вновь,

Падая в случайные мгновенья,
Где добром отсверкивает зло...
Счастьем было просто ощущение,
Что осталось больше, чем прошло.

Это всё високосный год.
И не хочет он, а берёт
Лишний день, дорогих друзей...
Мы не знаем всей правды, всей
Скрытой сути вещей и слов,
И понять это не готов
Мир, который привык терять,
Для которого врать на «пять» —
Просто способ упасть вперёд,
А в висок — високосный год.
Но и он завершится в срок.
Кто-то скажет, что Бог помог.
Он поможет, сомнений нет.
Ведь не меркнет, мерцающая, свет...

Неужто повторится
И всё начнется снова?
Одни и те же лица,
Всё то же — слово в слово.

Мгновения, как пули, —
Семнадцать — восемнадцать...
Партайгеноссе Мюллер
Вновь просит нас остаться.

И в самом деле, всё могло
быть хуже.
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел,
кружит,
Как будто подтверждая:
«Всё — не плохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт
потерям,
Где голубь предстаёт воздушным
змеем...
В то, что могло быть хуже, —
твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

Увидь меня летящим,
но только не в аду.
Увидь меня летящим
в том городском саду,
Где нету карусели,
где только тьма и свет...
Увидь меня летящим
Там, где полётов нет.

В своих безбожных небесах
«Шестидесятники», устав
от волейбола,
Поют Булата, слушают
«Спидолу»,

Читают. Женья, Роберт и Андрей...
Но небеса — темней, темней,
темней.

И мрак предательством пропах.

Внизу всё тот же неуют.
Чапаевцы, как тени в пыльных
шлемах,
Плывут куда-то с капитаном
Немо,

И с косами — не ангелы стоят,
И не понять — кто прав,
кто виноват,
И что там у костра поют.

Ломают памятники в дым,
И те, кто в небесах, понятия
не могут,
Зачем, куда, в какую путь-дорогу
Собрались те, кто,

перепутав след,
Осваивают тот и этот свет,
Где страшно мёртвым и живым.

Выжить...
Отдать,
Получить,
Накормить.

Сделать...
Успеть,
Дотерпеть,
Не сорваться.

Жизни вибрирует тонкая нить,
Бьётся, как жилка на горле паяца.
Выжить,

Найти,
Не забыть,
Не предать...

Не заклинанье, не просьба,
не мантра.
Завтра всё снова начнётся опять.
Это — всего лишь задание
на завтра.

На берегу чужой реки
Сижу и жду своей погоды.
Но проплывают только годы,
Как междометья вдоль строки.

Уйти? Могу и не могу.
И слышу, как она смеётся,
Собою заслоня солнце,
Чужая тень на берегу.

Самолёты летают реже.
Только небо не стало чище.
И по-прежнему взгляды ищут
Свет любви или свет надежды.

Самолёты летят по кругу.
Возвращаются новые лица.
Но пока ещё сердце стучится,
Мы с тобою нужны друг другу.

— Ты слышишь, как сердце
стучит у меня?
— Нет, это — колёса по рельсам...
— Ты видишь — дрожу я
в сиянии дня?
— Ты мёрзнешь. Теплее оденься...
— Ты видишь — слезинки
текут по щекам?
— Нет, это дождевики — к удаче...

— Ты чувствуешь — я ухожу
к облакам?
— Я вижу, я слышу... Я плачу.

Принимаю горечь дня,
Как лекарственное средство.
На закуску у меня
Карамельный привкус детства.

С горечью знаком сполна —
Внутривенно и наружно.
Растворились в ней война,
И любовь, и страх, и дружба.

А я из ушедшей эпохи,
где бродят забытые сны.
Где делятся крохи, как вдохи,
на эхо огромной страны.

Я помню и не забываю,
откуда, зачем и куда.
Мечты о несбывшемся рае,
сгорая, не гасит звезда...

Не хочется спешить, куда-то
торопиться,
А просто — жить и жить,
и чтоб родные лица
Не ведали тоски, завистливой
печали,
Чтоб не в конце строки
рука была —
В начале...

